

шахте, вот и «новость вышла на-гора». Когда-то Хрущев и по трибуне стучал ботинком, теперь вот мечтает разбить графин.

В романе «Таинственная страсть» В. Аксёнову удалось верно воссоздать судьбу поколения 60-х годов и создать нетрадиционную композиционную форму, для которой характерно отсутствие жёсткой последовательности событий (действие романа свободно перемещается во времени), ассоциативность, нелинейность повествования. Вместе с тем, разумеется, эта во многом автобиографическая книга, дополненная квазивоспоминаниями и углублённым самоанализом, ориентирована на внетекстовую реальность (выступления Хрущева, вторжение в Чехословакию, «бульдозерная выставка» и т. д.). Конечно, здесь присутствует вымысел, но и он подчинён цели создать установку на подлинность, заставить читателя поверить, что так было на самом деле, что именно так думали и чувствовали люди 60-х годов – писатели, художники, музыканты.

Библиографические ссылки

1. Аксёнов В. Таинственная страсть (роман о шестидесятниках) : [Текст] / Василий Аксёнов. – М.: Издательство «Семь дней», 2009. – 592 с.
2. Генис А. А. Частный случай: филологическая проза : [Текст] / А. А. Генис. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 445 с.
3. Латынина А. Эпитафия шестидесятникам. Последний роман Василия Аксёнова : [Электронный ресурс] / А. Латынина // Новый мир. – 2010.– № 2. Режимдоступа:http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2010/2/la14.html
4. Неизвестный Э. «О друзьях – товарищах». Размышления о книге В. Аксёнова «Таинственная страсть» : [Электронный ресурс] / Эрнст Неизвестный. – Режим доступа: <http://www.zigor.ru>.
5. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учебное пособие : [Текст] / Н. А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 424 с. (Серия: «Филологический анализ текста»).

Надійшла до редколегії 24.04.11

УДК 821.161.1

Г. С. Ключко

г. Днепропетровск

ТРЕВОЖНЫЙ МИР СЫЩИКА ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ПУТИЛИНА

Аналізуються оповідні стратегії та відповідність жанровим очікуванням масового читача двох найбільш помітних російських авторів ретродетективів – Б. Акунина і Л. Юзефовича.

Ключові слова: експериментальність, жанрова модифікація, ретродетектив, квазідетектив.

Анализируются повествовательные стратегии и соответствие жанровым ожиданиям массового читателя двух наиболее заметных российских авторов ретродетективов – Б. Акунина и Л. Юзефовича.

Ключевые слова: экспериментальность, жанровая модификация, ретродетектив, квазидетектив.

The narrative strategies and the correspondence with the mass reader's genre expectations of two most outstanding Russian authors of retro detective stories – B. Akunin and L. Yuzepovich – are analysed in the article.

Key words: experimentality, genre modification, retro detective story, quasi detective story.

Несмотря на то, что Леонид Юзефович стал первым отечественным писателем, начавшим работать в жанре ретродетектива, его популярность, безусловно, уступает славе Бориса Акунина. Связано это, видимо, не с тем, что Григорий Чхартишвили – более талантливый беллетрист, или наоборот, но с тем, что проза Л. Юзефовича не столь точно отвечает жанровым ожиданиям массового читателя. Попробуем обосновать этот тезис, сопоставив романную трилогию о приключениях сыщика Ивана Дмитриевича Путилина и серию романов об Эрасте Петровиче Фандорине.

Первое отличие, бросающееся в глаза, – это, если можно так выразиться, масштабность преступлений, преступников и «детективов». Если преступления в приключениях Эраста Петровича всегда являются следствием и причиной бурных политических или идеологических страстей, то Иван Дмитриевич Путилин работает всего лишь в сыскной полиции, а жандармы со своими теориями всемирных заговоров и политических интриг, постоянно делающие из мухи слона, лишь мешают работать скромному труженику уголовного сыска. Юзефович предупреждает читателя о такой специфике своих детективов в самом начале трилогии: на вопрос своего литературного агента о том, нет ли среди жертв преступлений, которые расследовал сыщик, кого-нибудь познатнее дворника и прачки, Иван Дмитриевич отвечает, что есть, например, барон Фридерикс из Департамента государственных имуществ, после чего между беседующими происходит следующий забавный диалог:

« – Его зарезали или застрелили?»

– Ни то и ни другое. Орудием убийства послужили щипцы для колки сахара <...>.

– А так, чтобы кинжалом или из револьвера? Таковые имеются?

– Да, но тут уж одно из двух: или пистолет и дворник, или барон и щипцы» [9, с. 8]. Литературный агент озабочен неспроста, ведь преступления, раскрытые Путилиным, как-то слишком обычны, банальны. В романе «Князь ветра», завершающем трилогию, мы находим аналогичные рассуждения слушателей Путилина, выражающих, очевидно, и ожидания современных читателей:

« – Ну-у, – разочарованно протянул Сафронов, – если окажется, что Каменский застрелился из-за любви или Довгайло ухлопал его из ревности, я прячу голову под крыло и не желаю знать правду. Лучше сокройте, но подыщите что-нибудь менее банальное.

– Не выйдет, – ответил Иван Дмитриевич. – Когда идешь “путем всея земли”, трудно найти на этой дороге что-то такое, чего никто до тебя не находил» [8, с. 201]. Видимо, среднестатистическому читателю всё же не слишком интересно ходить путём «всея земли», хотя в романах Юзефовича предостаточно и хорошо прописанных характеров, и запутанных остросюжетных интриг. Правда, последние имеют иной, чем у Акунина, статус: это или ложные версии, или, скажем, сюжеты бульварных книжонок о сыщике Путилове (Путилин – его прототип) беллетриста Н. Доброго. Путилин Л. Юзефовича – «обыкновенный господин с пышными бакенбардами» [9, с. 10], имеющий обыкновение накручивать их на палец во время глубоких раздумий и вместо револьвера носящий в кармане баночку маринованных грибов. Путилов Н. Доброго – «Великий сыщик, года за полтора он успел

искрошить в капусту сонмы беглых каторжников и кавказских абреков, знающих одной лишь думы власть – похищать и продавать в гаремы одиноко гуляющих по полям генеральских дочек. Смокинг джентльмена, сутана католического патера, паранджа ханской наложницы – все было ему к лицу. Не было ремесла, которым бы он не овладел» [8, с. 18]. Описание, вполне подходящее и Фандорину...

Итак, Л. Юзефович сознательно идёт на несоответствие горизонту ожиданий широкого круга публики и делает это, конечно, не случайно. Такая повествовательная стратегия позволяет ему создать художественный мир, принципиально отличающийся от акунинского. И нужно отметить, что читателю вряд ли будет уютно в таком мире, одна из главных функций массовой литературы – эскапистская – в нём не срабатывает. Другое дело – мир Эраста Петровича. Фандорин так описывает своё мироощущение: «...я давно понял... [что] жизнь есть не что иное, как хаос, нет в ней никакого порядка и правил тоже нет» [3, с. 258–259]. И всё же вряд ли можно утверждать, что в художественном мире Акунина царит случайность, ведь объяснённый и упорядоченный хаос превращается в свою противоположность. Преступления в романах Б. Акунина всегда задумываются и совершаются умными и сильными людьми, акунинами, как их общо назвал Марк Липовецкий [6], опираясь на следующее определение из «Алмазной колесницы»: «Акунин – это злодей, но это не мелкий человек, это человек сильный. У него свои правила, которые он устанавливает для себя сам. Они не совпадают с предписаниями закона, но за свои правила акунин не пожалеет жизни, и потому он вызывает не только ненависть, но и уважение» [2, с. 655]. Преступники же в романах Л. Юзефовича – люди слабые, мелкие и вполне заурядные. Убийцами немецкого военного атташе оказываются уголовник-недочеловек Упырь и честный пьянчуга из прислуги Фёдор (думается, такое имя дано герою не случайно, а с намёком на «пьяненьких» Достоевского, которым всё должно проститься – не случайно Иван Дмитриевич позволяет ему сбежать). В «Доме свиданий» убийцей ради наследства оказывается мещанка Нина Александровна «с козьими глазами» (главная улика против неё для Путилина). В «Князе ветра» цепочка убийств разворачивается из-за шалости двух интеллигентов-неудачников. Все преступления в романах Юзефовича совершаются фактически по ошибке, здесь читатель попадает в по-настоящему хаотичный мир. И всё же нельзя сказать, что случайность у Юзефовича абсолютна, она является таковой лишь для человека. Трагические события происходят по его вине, но не по его желанию, и в то же время читателю постоянно намекают на возможное присутствие какого-то предопределения. Его, правда, сложно назвать Божиим промыслом, оно скорее похоже на «Некоего в чёрном» из «Судьбы человека» Л. Андреева. Загадочная закономерность лишь проблёскивает иногда в каких-то пограничных ситуациях. Так, скажем, барону, задушенному в своей постели, такую смерть предсказала цыганка ещё в детстве, а незадолго до смерти шулер при гадании вытащил ему виновый (пиковый) туз. С другой стороны, эти ненадёжные совпадения (цыганка могла просто случайно угадать, а шулер – сжульничать) постоянно соседствуют у Юзефовича с обычным мошенничеством. Например, во вставной новелле из «Костюма Арлекина» Путилин рассказывает о таком случае из своей практики: его сосед, заядлый охотник, потерял любимое ружьё, которое легко было узнать по инициалам на прибитой к нему

медной табличке. После неудачных поисков он пошёл к цыганке, которая предсказала ему, что ружьё найдётся в день его смерти. Через тридцать лет племянники охотника, узнав об этой истории, прислали ему такое же ружьё (только с другой датой выпуска, благодаря чему позже и были разоблачены Иваном Дмитриевичем). От потрясения охотник умер. «Несчастный Яков Петрович был отомщён, разговоры утихли, но Иван Дмитриевич на всю жизнь запомнил то утро, когда он сидел на кровати, держа в руках ружье. Вечером, на поминках, страшно было, что судьба есть, а утром ещё страшнее сделалось оттого, что её нет. Ведь если существует судьба, значит, кто-то думает о тебе и ты уже не одинок на свете.

Увы, одинок!» [9, с. 186]. Грусть и страх от принципиального одиночества человека в мире пропитывают все романы Л. Юзефовича, не эта ли приправа делает его детективы невкусными для массового читателя? И наоборот, в романах об Эрасте Петровиче благосклонная судьба бережёт главного героя, достаточно вспомнить его феноменальную везучесть. Здесь нет места случайности, поэтому, какие бы кошмарные события ни происходили в тексте, читатель чувствует себя уютно в этом мире: хоть Лиза и погибает ужасной смертью, её трагический конец предопределён уже её именем. Катастрофы у Акунина напоминают сцены из блокбастеров или, в лучшем случае, выпусков новостей, которые, правда, уже тоже мало кого трогают: «В первый момент Эраст Петрович не понял, что это такое. Подумалось лишь, что на земле этому никак не место. Потом разглядел: тонкая, оторванная по локоть девичья рука посверкивала золотым колечком на безымянном пальце» [1, с. 333]. Так Б. Акунин описывает гибель от взрыва бомбы невесты Эраста Петровича. «Маленькие трагедии» у Л. Юзефовича гораздо проще, обыденнее и, может быть, поэтому задевают сильнее: «Забыв про слушателей, Иван Дмитриевич заплетал в косицу правую бакенбарду. Жена всю жизнь пыталась отучить его от этой привычки, но жизни ей не хватило. Она лежала неподалеку отсюда, на сельском кладбище, “под кровом черных сосн и вязов наклоненных”, и, как всякая любящая женщина, довольствовалась тем, что муж иногда поплачет у нее на могилке. Сама она не приходила к нему ни разу, хотя ее любовь, конечно, была сильнее смерти» [9, с. 252].

В романах Л. Юзефовича грань между «рацио» и Тьмой очень зыбкая, особенно в «Князе ветра», не случайно здесь так много места занимает восточная тематика. Можно сказать, что от книги к книге творчество писателя всё меньше походит на английский детектив и всё больше – на некий восточный его тип, где следователь, распутав загадку, оставляет читателя один на один с Тайной. У последнего, вслед за беллетристом Н., возникает ощущение, что всё «катится к финалу, где нетрудно предугадать крушение всех иллюзий, кровь и смерть. В недрах обеих цивилизаций, христианской и буддийской, таятся грозные, скрытые от непосвященных стихии. Бьет срок, и они, как лава, прорывают хрупкую скорлупу, испепеляя все на своем пути» [8, с. 8]. Такого же мнения придерживается и российский офицер, служивший военным инструктором в монгольской армии: «...победа всегда остается за той из двух враждебных сил, которая сотворена из хаоса» [8, с. 151].

Конечно, детективам Л. Юзефовича присущи и клишированные приёмы, характерные для массовой литературы, особенно когда речь идёт первых двух книгах трилогии, относительно же третьей Е. Иваницкая верно отмечает: «В “Князе

ветра” совершилась та “возгонка”, “сублимация” низового, массового жанра, которая в истории искусства известна как явление, с одной стороны, редкое, с другой – закономерное» [4]. Действительно, детектив справедливо относят к формульным жанрам, но в то же время именно в его рамках наиболее успешно соединяются элитарное и массовое искусство. Сам Юзефович утверждает, что для него детективная интрига – это «просто способ организации романного пространства, и ничего более» [5]. Романы Л. Юзефовича часто называют квазидетективами, и для такого жанрового определения есть много оснований. «Это и детектив, и семейный, и мистический, и исторический роман, но прежде всего это книга о тех трагических ситуациях, которые всегда возникают в зонах соприкосновения различных цивилизаций» [10], – так характеризует последнюю книгу трилогии сам писатель. В возможности и желании обогатить детективный сюжет другими жанровыми вкраплениями заключается ещё одно важное отличие между Б. Акуниным и Л. Юзефовичем. Даже в приключениях уже женатого Николаса Фандорина, потомка Эраста Петровича, вряд ли удастся найти сколько-нибудь значимую семейную сцену: жена Николаса слишком отдана работе, чтобы надоедать мужу и читателю своим присутствием. Последний покупает детектив ради остросюжетных приключений, и подобные отступления, тормозящие сюжет, ему ни к чему. У Л. Юзефовича, напротив, семейная тема является одной из важнейших. Погружаясь в его художественный мир, читатель понимает, что единственный островок порядка и покоя, возможный в жизни человека, – это семейная жизнь. Но он хрупок, недолговечен, да и есть далеко не у каждого: из всех героев трилогии счастлив (или, во всяком случае, спокоен) в семейной жизни лишь Иван Дмитриевич. Правда, порадоваться его семейному счастью удастся лишь ретроспективно: он диктует мемуары уже после смерти жены, будучи одиноким человеком, за полгода до собственной кончины. Как видим, Л. Юзефович не даёт запуганному читателю толком перевести дух даже в семейном кругу...

Проза Б. Акунина, наполненная следами чужих текстов, предполагает как минимум два способа прочтения: читатель может или отыскивать разнообразные аллюзии и реминисценции, или, не обращая на них внимания, следить исключительно за развитием сюжета. Его жанровые эксперименты не заходят настолько далеко, чтобы обмануть ожидания широких кругов публики. Кроме того, его произведения заставляют забыть о проблемах повседневной жизни. Да, в романах о Фандорине много намёков на современные общественные и политические проблемы, но если в них умирают, то от пули или от бомбы, а не из-за обыкновенных болезней и случайностей, как у Л. Юзефовича. Книги последнего, по-видимому, рассчитаны на читателя немного более высокого уровня, соответственно – на более узкий круг публики. Характерен, например, такой отзыв о романе «Князь ветра»: «Порой кажется, что весь этот роман представляет собой нагромождение ради нагромождения, игру с жанрами, разрушение стиля как лабораторный эксперимент, интересный лишь самому писателю» [7]. И всё же большинство критиков сходятся в высокой оценке качества прозы Юзефовича. И если первые две книги о приключениях сыщика И. Д. Путилина, как и их ранние варианты, можно отнести к качественной беллетристике, то «Князь ветра», как нам кажется, гораздо ближе к элитарной литературе. В то время как, по мнению многих

критиков и читателей, вершина творчества Б. Акунина уже позади, Л. Юзефович по-прежнему держит своих читателей в напряжении, заставляя гадать, в каком жанре и в какую сторону света занесёт писателя в следующий раз.

Библиографические ссылки

1. Акунин Б. Азazelь [Текст] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 1998. – 334 с.
2. Акунин Б. Алмазная колесница [Текст] / Борис Акунин. М.: Захаров, 2004. – 720 с.
3. Акунин Б. Коронация, или Последний из романов [Текст] / Борис Акунин. – М.: Захаров, 2003. – 398 с.
4. Иваницкая Е. «Все связано со всем»: [электронный ресурс] / Е. Иваницкая. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/7/ivan.html>.
5. Иваницкая Е. Комбинаторика возможных событий: [электронный ресурс] / Е. Иваницкая. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200203515>.
6. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920 – 2000-х годов / М. Липовецкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – ххix+848 с.
7. Селезнёва Е. Буддисты, сатанисты и революционеры: [электронный ресурс] / Е. Селезнёва. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://zveroboy.narod.ru/test/base/2004/09/11/stn-motivation.htm>.
8. Юзефович Л. Князь ветра [Текст]: Приключения сыщика Ивана Дмитриевича Путилина / Леонид Абрамович Юзефович. – М.: Вагриус, 2001. – 301 с.
9. Юзефович Л. Костюм арлекина [Текст]: Приключения сыщика Ивана Дмитриевича Путилина / Л. А. Юзефович. – М.: Вагриус, 2001. – 270 с.
10. Юзефович Л. Литература — это не ремесло, но это и не искусство: [электронный ресурс] / Л. Юзефович. – Заголовок с экрана. – Доступ к режиму: <http://www.litrossia.ru/archive/65/person/1526.php>.

Надійшла до редколегії 27.04.2011

УДК 821.161.1 – 4.09

Ю. В. Коновальчук

г. Днепропетровск

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ И. А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

Аналізуються художньо-документальні нариси російської літератури середини XIX ст.

Ключові слова: І. Гончаров, нариси «Фрегат “Паллада”», Китай, китайці, специфіка художньої типізації.

Анализируются художественно-документальные очерки русской литературы середины XIX в.

Ключевые слова: И. Гончаров, очерки «Фрегат “Паллада”», Китай, китайцы, специфика художественной типизации.

The fictional and non-fiction essays in Russian literature of the mid XIX c. are under consideration.

Key words: I. Goncharov, «Man-of-war “Pallada”» («Frigate “Pallada”»), China, Chinese, fictional typization specificity.

Русско-китайские отношения имеют свою давнюю, почти четырехсотлетнюю историю, и восходят они к 1618 году, когда «русский посланник Иван Петлин сотоварищи впервые посетил Китай с целью государство их проведать и царя их видеть» [3, с. 84]. По мере развития разносторонних межгосударственных